Людмила ТЕРНОВАЯ

Международная жизнь в сюжетах сказок

Рассказать о том, что происходит в мире, так, чтобы разговор не был скучным и нравоучительным, а из него можно было извлечь назидательные уроки, под силу далеко не всем литературным жанрам. Пожалуй, лучше всего это удается сделать сказке. Сказка способна самый неприглядный образ мира изобразить как загадочный, чарующий, полный тайн и возможностей. В то же время сказочная картина мира повторяет законы картины мира реального, только рассказчик использует особые приемы метакодирования реальных явлений с помощью системы мифопоэтических кодов, совмещая или замещая различные предметы и знаки, заключая их в целостное пространство сказочного мира [Маковский, 1996. С. 17].

Обращение к мифопоэтическому коду отражает тот путь, который проходит сказка, отделяясь от мифа, но наследуя его бережное отношение к ритуалу, способному провести грань между профанным и сакральным, и вместе с тем преодолевая этнографичность мифа и его географическую достоверность, уводя слушателя в мир собственной сказочной географии. Эти особенности принизывают всю сказку – от фольклорной до авторской. В последней сказочный жанр поднимается на столь высокую ступень, что его язык приобретает черты универсальности, позволяющей узнавать сюжеты, композицию и героев сказки, независимо от национальной специфики, поэтому В.М. Жирмунский сказки одной тематики и сюжета объединил понятием «международный сказочный сюжет» [Жирмунский, 1967. С. 283-289]. Международный характер имеют сюжеты хорошо известных европейских и азиатских сказок. Так, можно найти много общего между индийской народной сказкой «Золотая рыбка» и «Сказкой о рыбаке и рыбке» Александра Пушкина.

Не стало случайным совпадением возникновение интереса к сказке в светском обществе европейских стран в середине XVII в. и первой системы международных отношений. Вестфальская система явилась результатом не только мирных переговоров, завершивших Тридцатилетнюю войну (1618–1630), но и новой ментальности как правящего класса, так и обывателей. Именно в военное время более других оказываются востребованными те сочинения, позволяющие людям мыслями уходить из атмосферы опасности и страха в прекрасную страну грез и фантазий, страну сказок.

В новой картине мира нашлось место для понимания того, что пространство, где существуют европейские монархии, может иметь общие черты, пусть не в реальном, а в сказочном проявлении. Это представление особенно чувствовалось во Франции, где мода на сказки охватила высшее парижское общество. В салонах устраиваются чтения сказок старинных, философских, назидательных. Потребность записи этих сюжетов чутко улавливает Шарль Перро, публикующий в 1697 г. сборник «Сказки матушки гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями». Сюжеты многих сказок были в полном смысле того слова международными, хотя в каждой стране в деталях обозначались особенности повседневного бытия. Так, содержимое корзинки девочки, которую Перро одел в красный плащ с капюшоном такого же цвета, варьировалось: в северной Италии внучка несла бабушке свежую рыбу, в Швейцарии – головку молодого сыра, на юге Франции – пирожок и горшочек масла. Универсальность сюжета оставляла простор для домыслов: был ли в сказке намек на близость ее героинь к движению катаров, поскольку красный головной убор в средневековой Европе указывал на принадлежность к тайным обществам. Может, речь шла о заговорах в рядах знати, так как представителям социальных низов красная краска была не по карману и их одежды окрашивались в цвета коричневой гаммы? Еще больше интерпретаций смысла этой сказки

Людмила Терновая, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института политики и деловых коммуникаций (Российская Федерация, 119285, Москва, ул. Пудовкина, д. 4). E-mail: 89166272569@mail.ru

Аннотация: Международная жизнь, представленная через призму народных и авторских сказок, в полной мере подтверждает резюме сказки Александра Пушкина: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». В XXI в. сказка превращается не только в средство интерпретации международных реалий, но и инструмент экономической политики и формирования имиджа государств.

Ключевые слова: сказка; международные отношения; национальные особенности; конфликт; международный имидж.

вызвала ее публикация братьями Гримм. Из-за того, что это произошло в 1812 г., а готовились к изданию сказки, когда земли Рейнской области были оккупированы наполеоновской армией, некоторые исследователи в волке усматривали французского «злоумышленника», в Красной Шапочке – страдающий немецкий народ, а в охотнике – ожидаемого бескорыстного освободителя. Эту мысль спустя столетие подхватили идеологи Третьего рейха, которые объявили «Детские и домашние сказки» братьев Гримм священной книгой, так как Красная Шапочка воплощает немецкий народ, преследуемый волком еврейства [Воронцова, 2004].

Сказки побуждали у слушателей интерес к узнаванию других земель. В английской народной сказке «Дик Уиттингтон и его кошка» рассказывается о бедном мальчике, отдавшем единственное имущество, кошку, капитану, отправившемуся в Африку и там продавшему невиданного маврами зверя за баснословные деньги. Такой сюжет бытует и у других народов, но в английском варианте сказка не просто передает нам быт и нравы «старой доброй Англии», ее столицы, но и то, как лондонские купцы вели морскую торговлю [Будур, 2003. С. 350]. Несмотря на схожесть сюжетов сказок у разных народов, благодаря имеющимся различиям, они позволяли находить отличия и в укладах жизни, системах ценностей, традициях отдельных стран. Особенно отчетливо это видно при сравнении оригинала с переводом или кинематографической интерпретацией сказки. В известной китайской сказке рассказывается о пяти братьях Лю, обладавших сказочными способностями, но в советском рисованном мультфильме «Братья Лю» (1953) братьев оказывается только трое. Мультипликаторы не стали рассказывать советским зрителям о талантах братьев, один из которых мог вытянуть ноги, а другой имел тело крепче железа. Может, уменьшению числа братьев способствовали ассоциации с псевдонимом вождя, напоминающим о крепости стали? Стоит обратить внимание и на то, что китайский оригинальный текст сказки про братьев Лю сравнивается не с переводом на русский язык, а с мультипликационной версией. Мультипликация усиливает внимание к тем особенностям текстового материала сказки, которые и ранее подвергались критике, оценка мультипликационного варианта может приобретать жесткие формы, иметь различную аргументацию, в том числе политическую. Именно так обстояло дело с реакцией представителей арабских кругов на диснеевский мультфильм «Аладдин» (1992), несмотря на двух «Оскаров» и восторженную встречу у западной публики*. Возможно, причина и в том, что сказка «Аладдин», по мнению некоторых исследователей, не входила в первоначальный источник сказок «1000 и одной ночи», а стала западным «вкраплением» в него начала XVIII в.

Каким бы мрачным ни был этот мир, то, что он реальный, а не вымышленный, можно почувствовать, обратившись в первую очередь к авторским сказкам. О широте охвата проблем, волнующих не только детей, но и взрослых, нас убеждают сказки – Ганса Кристиана Андерсена, Вильгельма Гауфа, Лаймена Фрэнка Баума, Сельмы Лагерлёф и многих других. Ценность сказок, во-первых, в их обращении не к взрослой, а к детской аудитории, они помогают пытливому молодому уму представить безграничность мира. А во-вторых, сказки используют инструмент иносказания. Благодаря этому все обычное делается необычным, повседневное – праздничным, далекое – близким. Гауф пишет о том, как общество маленького немецкого городка было введено в заблуждение неким приезжим, представившим своего племянника, которого все сочли молодым англичанином. В результате выяснилось, что за племянника была выдана обезьяна. А издержки экзотического поведения животного списывались на молодость и непонятный этикет чужой страны. Сказочникам подвластно описание не только характера людей. Даже технические изобретения они могут представить не как достижение человеческого разума, а как чудо. Именно так, в виде большого морского змея показывает Андерсен телеграфную линию, связавшую Старый и Новый Свет.

Уайльд посвятил сказку-притчу «Счастливый принц» (1888) ученому-естествоиспытателю, революционеру и мыслителю П.А. Кропоткину. Они познакомились, когда Кропоткин был в Лондоне. Уайльда заинтересовали идеи теоретика анархизма, но еще и поразила сама личность русского князя (prince), который, будучи потомком Рюриковичей, мечтал о равенстве, братстве, социальной справедливости и свержении тиранов. Личность Кропоткина вдохновила Уайльда на то, чтобы аллегорически показать радость дарить людям добро, даже ценой собственных лишений.

В 1900 г. выходит в свет детская книга американского писателя Баума «Удивительный Волшебник из Страны Оз». Дети увидели увлекательный сюжет о приключениях сироты Дороти в Волшебной стране, а взрослые – спор в аллегорической форме, какой денежный стандарт лучше: золотой или биметаллический [Чиркова, 2011]. Более того, за сказочными образами читатели разглядели популярные образы американской политической карикатуры конца XIX – начала XX вв.: пугала (Страшила) и «рыцаря» в жестяных латах (Железный Дровосек). Эти образы ассоциировались с конкретными персонажами политической жизни США – президентами Кливлендом, Гаррисоном, Мак-Кинли, нефтяным и газетным магнатами Рокфеллером и Хёрстом.

Сказочная повесть «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» (1906–1907), написанная Лагерлёф, предназначалась в качестве учебного пособия по географии Швеции для учеников первого класса. Лагерлёф была учительницей и, может быть, поэтому ей удалось в увлекательной форме рассказать детям о стране, ее природе, памятниках.

---

* Wingfield M., Karaman B. Arab Stereotypes and American Educators // American Arab Anti-Discrimination Committee (ADC). March 1995. URL: http://www.adc.org/index.php?id=283

Сказки и революцию сближает романтическая вера в счастье и справедливость. Сказки о революции появляются тогда, когда в массах начинает таять революционная романтика. Юрий Олеша пишет роман-сказку «Три толстяка» в 1924 г. Герои сказки весело и мужественно борются против господства трех жадных и ненасытных толстяков-властителей. Сказка вызвала огромный читательский интерес и одновременно скептические отзывы официальной критики из-за отсутствия в ней призыва к борьбе, труду, героического примера.

Содержание сказок может подвергаться критике с позиций политкорректности. Так, в первоначальном варианте сказочной повести Роальда Даля о приключениях мальчика Чарли на шоколадной фабрике эксцентричного кондитера мистера Вонки «Чарли и шоколадная фабрика» (1964) работающие на этой фабрике умпа-лумпы были выведены автором как племя симпатичных чернокожих пигмеев, привезенное мистером Вонкой из джунглей Африки. В 1972 г. канадская писательница Элеонора Кэмерон обвинила автора в том, что, изображая умпа-лумпов темнокожими, он фактически изображает владение чернокожими рабами, после чего писатель в новом варианте книги представил умпа-лумпов как маленьких человечков с нежно-розовой кожей и длинными золотисто-коричневыми волосам, бывших выходцами из вымышленной страны Умпландии.

То, что сказочные герои, как правило, не имеют другой родины, кроме страны сказок, не мешает иногда из-за геополитических соображений менять им имена. В Украине изменили «паспортные данные» героя сказки Джанни Родари «Приключения Чиполлино». Хотя название «Цибуліно» для Украины более точный перевод с итальянского имени героя сказки – луковицы (ит. cipolla), за многие десятилетия имя Чиполлино, придуманное Родари, закрепилось как имя собственное и самостоятельное. Реформаторские усилия по изменению содержания сказок и имен сказочных персонажей наблюдаются в Украине не только по отношению к сказкам Родари. Одной из первых жертв украинизации пал Чебурашка, герой Глеба Успенского, преобразовавшись в героя с непонятным именем Дебулятко. Украинское происхождение было установлено у Колобка, имя которого происходит от слова «коло», т. е. – «круг». В прессе происходящее называют «сказочными войнами» между Россией и Украиной по аналогии с войнами газовыми, молочными и сырными, так как украинские неосказочники преследуют цель перекодирования сознания детей.

Переработка сказочных сюжетов – явление распространенное. Иногда она осуществляется для того, чтобы смягчить существующую в них жестокость поведения героев и сделать их адаптированными для детей. Порой правки вносятся на основании соображений морали, а часто – религии. В 2007 г. Палестина стала первым государственным образованием, министерство культуры и министерство образования которого придерживаются совершенно разных взглядов на национальный фольклор. Первое издание антологии палестинских сказок, составленной профессором антропологии университета Бир-Зейт на Западном Берегу Шарифом Канааной и арабистом Ибрагимом Мугави «Говори, птица, говори», было издано университетом Беркли на английском языке в 1989 г. В 1997 г. ЮНЕСКО опубликовала французский перевод сказок. А в 2001 г. антологию напечатали в аутентичном, арабском, варианте. Палестинское министерство культуры высоко оценило издание и распорядилось распределить три тысячи экземпляров сборника по школам автономии. Но в 2007 г. министерство образования, возглавляемое членами «Хамас», постановило в недельный срок изъять эти книги из школьных библиотек из-за сексуального содержания некоторых сказок. Однако эротический символизм является неотъемлемым свойством фольклорной поэтики. Суть в том, что понять его ребенку очень сложно, а потому на такой подтекст обычно составители сборников сказок не обращают внимания. Действия же министерства образования обеспокоили палестинскую интеллигенцию, которая усмотрела в них проявления исламского фундаментализма*.

Проблема усиления религиозной составляющей в сказочных текстах гораздо шире изъятия из них сексуального символизма. В разных государствах, относящихся к различным религиозным традициям, можно

* Арабские заветные сказки // Коммерсантъ-Власть. 2007. № 9. С. 53.

1

2

заметить тенденцию переработки сказочных сюжетов в соответствии с религиозными канонами. Например, в Турции эта политика затронула серию книг из «Школьной библиотеки», выходящую под грифом министерства образования. В эту серию входит и сказка Карло Коллоди «Приключения Пиноккио. История одной марионетки». В ней к реплике Пиноккио «Дай мне немного хлеба» в новой версии добавилось «ради Аллаха»*. В России в рамках курса «Основы православной культуры» первоклассникам рекомендуется просмотр спектакля «Дорога к храму», по сценарию которого Красная Шапочка отправляется на службу в церковь и по дороге встречает злобного Волка-атеиста [Харитонова, 2002].

Об обращении к материалу сказок как инструменту политического кодирования пишет профессор лингвистики Калифорнийского университета в Беркли Дж. Лакофф – один из основателей теории когнитивной метафоры [Лакофф, Джонсон, 2004]. Он неоднократно обращался к теме войны, отмечая, что газетные публикации о военных действиях часто строятся как модель: война – «сказка о справедливой войне» (“the fairy tale of the just war”). Главными персонажами такой сказки выступают злодей, жертва и герой, причем жертва и герой могут быть одним лицом. Сценарий сказки разворачивается в такой последовательности: злодей совершает преступление против невинной жертвы; герой, собрав помощников или действуя самостоятельно, совершает долгий поход во враждебную страну, побеждает злодея и освобождает жертву. Метафора «сказка о справедливой войне» возникает в американском политическом дискурсе во время войны в Персидском заливе («Gulf war», 17 января–28 февраля 1991 г.) [Матыгина, 2009. С. 72-84]. По сценарию официальной пропаганды США, Америка (в лице Дж. Буша старшего) концептуализировалась как герой (America as Hero, Savior); Ирак (в лице Саддама Хуссейна) – как злодей (Villain), которого характеризовали такие лексические единицы, как Baghdad’s Butcher, another Adolf Hitler, monster, madman, moron), а Кувейт – как невинная жертва (Victim), которую потом «спасает» герой. А так как злодей есть зло по своей природе, вопрос о переговорах с ним не возникает. Зло в сказках обязательно надо победить, оно должно быть наказано.

Проникновение в сказку политических реалий определяется и тем, что среди людей, сочинявших и сочиняющих сказки, было немало тех, кто волею судьбы оказывался очень близко к государственному руководству, политике. Первой необходимо упомянуть Хайзуран, жену халифа аль-Махди из династии Аббасидов, мать халифов аль-Хади и Харуна ар-Рашида, жившую в VIII в. Ее называют прототипом Шахерезады из сказок «Тысячи и одной ночи». Активность императрицы Екатерины II на этом поприще можно считать вкладом в появление первых литературных сказок в истории русской литературы. Она чутко руководствовалась критериями этого жанра, композицией и традициями волшебных сказок, работая над своими сказками для детей: «Сказке о царевиче Февее» и «Сказке о царевиче Хлоре», отразивших идеи эпохи Просвещения, связанные с пониманием важности воспитания честного, добродетельного, справедливого человека. Эдуард Рене де Лабулэ, видный политический деятель Франции, в 1864 г. выпускает сборник «Голубые сказки», где высмеивает режим, облекая свою критику в тонкую, сказочную форму. Не только писателем, в том числе сказочником, являлся Карел Чапек. Активный антифашист, общественный деятель с 1931 г. был членом Комитета Лиги Наций по литературе и искусству. Имя сказочника Кристиана Пино долгие годы было хорошо известно всем взрослым французам как имя крупного политического деятеля Франции, министра иностранных дел. Герои большинства его сказок – дети, судьба которых зачастую нелегка, но, мужественные и честные, они непременно находят свое счастье. Американская певица, автор песен, продюсер, танцовщица, писательница, актриса, режиссер и сценарист Мадонна (Луиза Вероника Чикконе) является еще и автором детских книг. Ее сказки основаны на традиционных ценностях человечества и дают читателям своеобразные уроки нравственности и морали, а пользуются популярностью не только благодаря ее собственной известности, но и из-за отличного оформления. Несмотря на успехи сказочников-непрофессионалов, мир не перестает восхищаться сочинениями писателей-сказочников. Есть

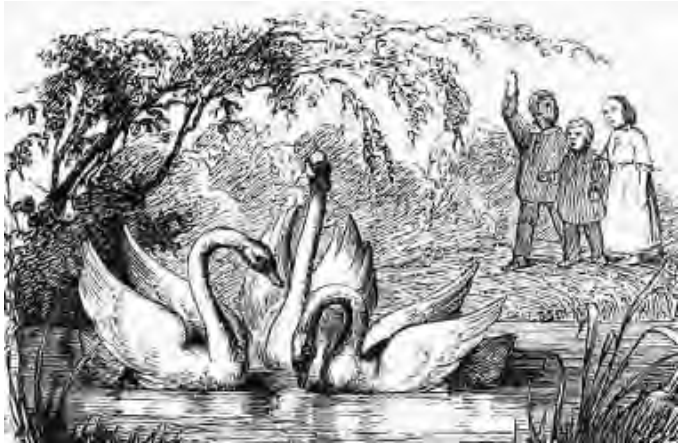
* В переводе на исламский // Коммерсантъ-Власть. 2006. № 37. С. 50.

Гюстав Доре (1832–1883).
Великий французский живописец, автор иллюстраций к «Божественной комедии» Данте и «Дон Кихоту» Сервантеса, иллюстрировал также и сказки.

1. Красная Шапочка
2. Матушка Гусыня, фрагмент иллюстрации

Вильхелм Педерсен (1820-1859).
Первый иллюстратор сказок Андерсена. На его иллюстрациях лица детей, героев сказок Андерсена, часто имеют совершенно недетское, трагическое выражение, а взрослые выглядят просто большими детьми.

3. Гадкий утенок

3

специальная международная награда для сказочников – Международная премия имени Г.К. Андерсена, которую называют «маленькой Нобелевской премией».

Связь сказок, которые удостаиваются высоких международных наград, с представлениями о пространстве мира, благополучия, возможностей для творчества очевидна. Такая связь часто отражается в речах лауреатов. В 2012 г., когда Европейский союз был удостоен Нобелевской премии мира, то речи высших европейских чиновников на церемонии вручения ЕС премии были объединены под одним очень красноречивым заголовком: «От войны до мира – Европейская сказка».

То, что героев сказки давно уже стали воспринимать визуально, начало работать на формирование имиджа той страны, того места, где создавалась эта сказка. Образ Дании и ее столицы Копенгагена неотделим не только от сказок Андерсена, но и от скульптуры Русалочки. Фонтан «Лиза с гусями» стал одним из символов Гёттингена, где жили и творили братья Гримм, у которых есть несколько сказок связанных с гусями. Фонтан сказок, один из наиболее запоминающихся городских фонтанов Берлина, находится в народном парке Фридрихсхайн и относится к охраняемым памятникам архитектуры. Как и путешествие по сказочным местам, банкноты с портретами сказочников должны побуждать у их обладателей ощущение сказочных возможностей при покупке товара за эти деньги. В разных странах на денежных купюрах можно было увидеть портреты братьев Гримм, Андерсена, Лагерлёф, Сент-Экзюпери и помещенные рядом изображения их сказочных героев. Сейчас установилась практика уходить от фиксации реальных исторических лиц на деньгах, но память о том, что портреты сказочников когда-то украшали денежные знаки, чем-то тоже похожа на сказку, в которой все были богатыми и счастливыми.

Стоит задуматься, не происходит ли с ростом прагматизма в подходе к сказкам сжимания пространства того волшебного мира, которым является мир сказок. Так ли необходимо человеку стремиться сделать сказку былью, может, лучше стараться быль хоть как-то приблизить к сказке? Имеющиеся попытки интерпретации событий международной жизни в сюжетах сказок доказывают, что ничего невозможного в этом нет.

Литература

Будур Н.В. Английская литературная сказка. М.: АСТ, 2003. 362 с.

Воронцова Т. Подлинная история Красной Шапочки // Литература. 2004. № 44.

Жирмунский В.М. К вопросу о международных сказочных сюжетах / Сб. статей к 70-летию акад. Н.И. Конрада. М.: Наука, 1967.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и мир образов. М.: Владос, 1996. 416 с.

Матыгина Е.Б. Сказка о справедливой войне в официальных заявлениях Кондолизы Райс // Политическая лингвистика. 2009. № 1(27).

Основы православной культуры в первом классе: Книга для учителя / Сост. О.К. Харитонова под ред. протоиерея В. Дорофеева. М.: Издательский дом «ПОКРОВ», 2002. 240 с.

Чиркова Е.В. История капитала от «Синдбада-морехода» до «Вишневого сада». М.: ООО «Кейс», ООО «Омега-Л», 2011. 387 с.

INTERNATIONAL AFFAIRS IN THE PLOTS OF FAIRY TALES

Ludmila Ternovaya, doctor of History, professor, Deputy Director of the Institute of Politics and Business Communications (Russia, 119285, Moscow, Pudovkina str. 4). E-mail: 89166272569@mail.ru

Summary: International life, presented through the prism of folk and authors fairy tales, confirm in the full measure the summary of Alexander Pushkin's fairy tale: " Fairy tale is a lie, but there is a hint, - that will teach a lesson to a fine fellow". In XXI century the fairy tale turns not only into means of interpretation of international realities, but instrument of economic politics and forming the states images.

Keywords: fairy tale; international relations; national characteristics; conflict; international image.

References

Budur N.V. Angliiskaia literaturnaia skazka [English literary fairy tale]. Moscow: AST Publ., 2003, 362 p.

Chirkova E.V. Istoriia kapitala ot «Sindbada-morekhoda» do «Vishnevogo sada» [Capital history from "Sindbad morekhod" to "The Cherry Orchard"]. Moscow: OOO «Keis», OOO «Omega-L» Publ., 2011, 387 p.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem [We live these metaphors]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.

Makovskii M.M. Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropeiskikh iazykakh. Obraz mira i mir obrazov. [The comparative dictionary of mythological symbolics in Indo-European languages. Image of the world and world of images]. Moscow, Vlados Publ., 1996, 416 p.

Matygina E.B. Skazka o spravedlivoi voine v ofitsial'nykh zaiavleniiakh Kondolizy Rais[The dream on fair war in Condoleezza Rice's official statements]. Politicheskaia lingvistika, 2009, no 1(27).

Osnovy pravoslavnoi kul'tury v pervom klasse [Bases of orthodox culture in the first class: The book for the teacher]. Protoierei Dorofeev V. (ed.). Moscow, POKROV Publ., 2002, 240 p.

Vorontsova T. Podlinnaia istoriia Krasnoi Shapochki [True story of the Little Red Riding Hood]. *Literatura*, no 44.

Zhirmunskii V.M. K voprosu o mezhdunarodnykh skazochnykh siuzhetakh [To a question of the international fantastic plots.] Sb. statei k 70-letiiu akad. N.I. Konrada [The collection of articles to the 70 anniversary of academician N. I.Conrad]. Moscow, Nauka Publ., 1967.